

**«ИРАКСКИЙ СИНДРОМ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ
«НОВОЙ» ВЕЛИКОБРИТАНИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ УРОКИ
И СОВРЕМЕННЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ**

Работа представлена кафедрой международных политических отношений СПбГУ.

Статья посвящена изучению роли «иракского синдрома» в политической жизни современной, «новой» Великобритании. Основная идея автора состоит в том, что агрессивная мессианская политика США и Великобритании во взрывоопасном ближневосточном регионе имеет крайне негативные последствия не только в национальном, но и в мировом масштабе.

Ключевые слова: «новая» Великобритания, «новые» лейбористы, Тони Блэр, Соединенные Штаты Америки, Ближний Восток, «иракский синдром», Институт «особых трансатлантических отношений»

A. Valuyev

**GULF WAR SYNDROME IN THE FOREIGN POLICY
OF THE “NEW” BRITAIN: LESSONS OF HISTORY
AND MODERN PARALLELS**

The article is dedicated to the analysis of the role of the so-called Gulf War syndrome in the modern political life of the “New” Britain. In the author’s view, the aggressive messianic policy of the United States and Great Britain in the highly explosive Middle East region will have radically negative and destructive results in national and global terms.

Key words: “New” Britain, “New” Labour Party, Tony Blair, United States of America, Middle East region, Gulf War syndrome, institute of special transatlantic relations.

В 1990-х гг. так называемая ялтинско-потсдамская система (модель) международных отношений, фундаментом которой на протяжении десятилетий оставался со-

вместный исторический вклад четырех великих держав (СССР, США, Великобритания и Франция) в победу над фашистской Германией, в результате начавшихся объ-

активных исторических процессов пришла в состояние глубокого структурного и идейного кризиса.

Первым, самым сильным и, более того, решающим ударом («нокаутом») по прежней, «двуполярной» («биполярной») системе стал внезапный, стремительно, бурный и окончательно, бесповоротный распад Советского Союза (наследника и правопреемника Российской Империи), очередная геополитическая катастрофа в невероятно насыщенной, бурной и трагической истории минувшего XX столетия.

Вероятно, только сейчас, спустя почти двадцать лет после тех событий, приходя в себя после всех трудностей и невзгод «переходного периода», мы постепенно – шаг за шагом – только начинаем рационально воспринимать, истолковывать и оценивать неизбежные последствия этой катастрофы исходя из реалий современного, одностороннего, «глобального» мира.

Коллапс советской империи и окончательный «паралич» Восточного блока (главнейшего союзника и идейного оплота в странах Центральной и Восточной Европы), полное крушение уникальной, сложнейшей системы управления и сложившихся тесных межнациональных связей на внутреннем и внешнем – международном – уровне спровоцировали шквал всевозможных шоковых политических, военных и социально-экономических потрясений и перемен на постсоветском пространстве, последствия которых для нас видны и ощутимы и сегодня.

Временный и вынужденный, унижительный и глубоко болезненный для многих наших соотечественников разных поколений уход в тень советского и российского фактора с ведущих позиций в мировой политике, экономике и культуре, по сути, одинаково, крайне негативно, повлиял на исторические судьбы новой России и всего остального разумного мира.

Эта геополитическая катастрофа разрушила устоявшийся, однако очень хрупкий и шаткий баланс сил и интересов и в результате создала опасную и губительную атмосферу силового вакуума.

Если принять во внимание колоссальные масштабы и историческое значение происшедших тогда в ведущих странах и регионах мира событий (начиная от бурной, но непродолжительной эйфории от нахлынувшей волны массовых качественных и количественных перемен – особенно долгожданной свободы – и заканчивая хаосом и потерей ориентации и точки опоры в новых, непривычных, но однозначно более жестких правилах игры), то нельзя не заметить, насколько фантастически быстро и точно Соединенные Штаты Америки как «единственная оставшаяся сверхдержава» сориентировалась в той запутанной ситуации и в итоге не упустила уникальный стратегический шанс выдвинуть собственную кандидатуру на вакантную роль единственного и доминирующего лидера в «постъялтинской», однополярной и глобальной системе международных отношений.

«Безальтернативность выбора». Именно так, ясно и четко, по нашему мнению, следует обозначить одновременно идейный лейтмотив, главный результат и потенциальную угрозу современного миропорядка.

Очевидно, что на протяжении всех последующих лет Соединенные Штаты настойчиво и назойливо пытались транслировать и пропагандировать комплекс универсальных глобальных ценностей и постулатов, призывая весь остальной мир сообща определять важнейшие направления развития и всем вместе (и врагам, и союзникам) идти по американскому, демократическому пути, постепенно отказываясь от таких «устаревающих» и «ненужных» фундаментальных понятий, как граница, нация и суверенитет.

Традиционно внешняя политика и дипломатия США практически во всех странах и регионах старого и нового миров определяется в полном соответствии с одной лишь классической формулой, суть которой предельно проста – «разделяй и властвуй».

Есть основания надеяться и предполагать, что в ближайшем будущем чрезвычайно мощный, сконцентрированный и деструктивный потенциал мессианской политики США и их ближайших союзников (среди ко-

торых заметно выделяется современная, «новая» Великобритания) в мировых делах пойдет на спад.

В значительной степени наш спорный, дискуссионный тезис базируется на анализе тех событий, которые принято обозначать термином «мировой финансовый кризис».

Возможно, именно сейчас, когда так называемый «кризис» набирает обороты, стоит вспомнить важнейшие события на международном уровне, которые в определенной степени объясняют его «внезапное» и «незапланированное» появление.

Как нам представляется, одним из наиболее ярких примеров в данном контексте с полной мерой ответственности можно назвать комплекс событий, так или иначе связанных с ситуацией внутри и вокруг Ирака, который традиционно занимает особо важное геополитическое и геостратегическое положение в конфликтном пространстве Ближнего Востока и остается одним из самых цитируемых «горячих точек» современности.

Неслучайно особое внимание международных наблюдателей вчера и сегодня обращено на позицию тех государств, которые сегодня делают большую политику в этом взрывоопасном регионе.

В этой связи для нас может быть особенно актуален накопленный за долгие годы политический опыт ведущего стратегического партнера США в мировых делах – Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, особенно «новой» Великобритании, т. е. в период нахождения у власти партии «новых лейбористов» (1997–2009 гг.).

В данном исследовании мы вводим понятие «иракский синдром» и обсуждаем его на общемировом, наднациональном и национальном уровне в период с 1990 г. и по настоящее время, в контексте приоритетов внешней политики правительств консерваторов и «новых» лейбористов, начатой при Маргарэт Тэтчер, продолженной Тони Блэром и законченной, судя по всему, ранним Гордоном Брауном.

Общемировой уровень проблемы обусловлен нашим соображением о том, что ма-

ловероятное «окончательное» разрешение или, по крайней мере, временное урегулирование подобных длительных и латентных конфликтных ситуаций сегодня в принципе невозможно без сильного и решительного вмешательства мирового сообщества, основанного на уважительном подходе к интересам всех сторон и стремлении решать все возникающие вопросы только и исключительно с помощью переговоров и консультаций.

Второй, наднациональный (или коммунистический) уровень, по нашему мнению, был и остается весьма актуален в силу того, что именно ситуация вокруг Ирака в последние несколько лет предоставила нам веские основания усомниться в том, что в Европейском Союзе может существовать единая позиция по данной проблематике, согласованная на уровне всех государств-членов и отвечающая всем требованиям формирующегося института Общей внешней политики безопасности и обороны.

Третий, главный, национальный (британский и американский) уровень привлекает наше особое внимание в связи с уникальной геополитической конструкцией внешней политики и дипломатии Великобритании. Благодаря дальновидной и прагматичной политике островное государство сегодня, с одной стороны, занимает важную «осторожную» позицию в структурах Европейского Союза, а с другой – делает все возможное, чтобы активно развивать и усиливать институт «особых», трансатлантических отношений.

Отправная точка, основная идея и фабула нашего исследования таковы.

Активное и добровольное участие Великобритании в двух основных военных операциях против Ирака и поддержка агрессивной и деструктивной внешней политики и риторики американских правительств (Джорджа Буша, старшего, Уильяма (Билла) Клинтона и Джорджа Уолтера Буша, младшего), по сути, есть не что иное как старый проверенный способ на время отключить внимание британской общественности от происходящего внутри страны с помощью «маленькой победоносной войны» за ее пределами (в данном случае – на Ближнем Востоке), от-

части укрепить материальное положение стран-«победителей» и, самое важное, «компенсировать» очевидные и досадные неудачи на стратегическом европейском направлении.

Основной особенностью перемен 1990-х гг. за некоторым исключением был их мирный и относительно цивилизованный характер. На этом основании многие эксперты в сфере международных отношений сделали вывод о том, что «либерально-демократический» (основанный на уважении прав человека и соблюдении интересов отдельных государств) мировой порядок будет значительно более предсказуем и безопасен по сравнению с прежним.

Однако время вскоре внесло свои коррективы, когда в 1990 г. вдали от Европы, где, собственно, и происходили основные перемены, неожиданно разразилась «маленькая победоносная» война на Ближнем Востоке. На этот раз противниками оказались не арабские государства и Израиль, и даже не две враждующие стороны, а две основные стратегии существования и развития национальных государств в современном мире.

Формальным поводом для начала военной операции под названием «Буря в пустыне» стала оккупация Ираком территории Кувейта. Именно это событие дало тот необходимый импульс, который запустил механизм разрушения не только на Ближнем Востоке, но и во всём мире. И именно тогда специалистам в сфере международных отношений стало очевидно, что рассчитывать на «либеральный» характер новой модели межгосударственных отношений слишком преждевременно. В США на оккупацию Кувейта, который входит в зону американских интересов в этом регионе, отреагировали вполне однозначно. Вопрос о мирных переговорах как наиболее эффективном, разумном и безопасном средстве разрешения конфликтов в Администрации Джорджа Буша-старшего даже не рассматривался. Президент сразу сделал выбор в пользу войны. Примечательно, что изначально Джордж Буш-старший рассматривал возможность проведения «акции возмездия» даже при отсутствии необхо-

димого мандата ООН, единственной организации, которая вправе заниматься разрешением международных конфликтов [2]. Иными словами, выбор Америки – «гегемона» в однополярной системе международных отношений – уже тогда, на начальном этапе, перечеркнул все надежды на долгожданное воцарение мира во всем мире, о котором либералы мечтали на всем протяжении «холодной войны». Очевидно, решение Администрации Буша о начале военной операции было продиктовано следующими стратегическими соображениями. Во-первых, следовало устранить угрозу со стороны Ирака, преградившего американским компаниям доступ к огромным стратегическим запасам ближневосточной нефти и не допустить экономического и военного усиления позиций режима Саддама Хуссейна. Во-вторых, следовало успокоить мировую общественность заявлениями о том, что данная акция не является войной в полном смысле этого слова и не противоречит духу демократических перемен. Напротив, Администрация всячески подчеркивала, что вынуждена прибегнуть к силовому сценарию, поскольку только в этом случае возможно в максимально короткие сроки гарантировать нейтрализацию опасности со стороны агрессивного иракского режима и обеспечить мир, стабильность и безопасность в регионе [2, 3]. В-третьих, Администрация Буша должна была попробовать себя в новом качестве, в роли международного «миротворца», который бы взял на себя функции ООН, применить на практике новую, силовую политику и понаблюдать за реакцией ведущих мировых держав. Одновременно можно было определить, кто из европейских лидеров наилучшим образом подходит на роль ближайшего союзника, вассала, готового безоговорочно идти за своим сувереном, даже при условии постоянного и систематического осуждения со стороны ближайшего окружения. И нельзя не отметить, что кандидатура Великобритании подходила для этой цели как нельзя лучше. Официальный Лондон в лице недавно избранного на пост премьер-министра Джона Мэйджора в полной мере выразил согласие с

планами США относительно начала военной кампании против Ирака. Примечательно, что Мэйджор категорически отверг инициативу ЕЭС о возможности созыва трехсторонней мирной конференции под эгидой ООН, которая могла бы повернуть дальнейший ход событий в иное русло [2]. И этот политический шаг, безусловно, был глубоко символичен. Тем самым консервативная Великобритания в очередной раз сделала выбор в пользу «особых отношений» с заокеанским партнером, а не в сторону европейского и мирового единства. В 1990 г. Великобритания по резолюции ООН «иракскому вопросу» сознательно пошла в кильватере американской внешней политики, целью которой была не стабилизация в стратегически важном регионе и тем более не торжество демократии в отдельно взятом ближневосточном государстве, а банальное стремление к реализации меркантильных национальных интересов. Британские экономические, политические и в некоторой степени идеологические интересы в поддержке политики США против Ирака были очевидны даже для непосвященных. Великобритания за участие в операции и поддержку внешней политики США рассчитывала не только получить материальную компенсацию в виде долевого контроля за иракской нефтью, но и укрепить свои политические позиции на Ближнем Востоке, который в силу своего положения всегда привлекал внимание ведущих британских политиков вне зависимости от их партийной принадлежности. Ирак в двадцатом столетии всегда традиционно занимал одну из первых позиций в списке приоритетов восточного направления британской внешней политики. Однако вплоть до 1990 г. британская дипломатия и в Ираке, и на Ближнем Востоке в целом действовала более грамотно и изощренно, предпочитая традиционные политические методы откровенному, ничем не прикрытому вмешательству в дела других государств. И даже агрессия Ирака против Кувейта в данном случае не являлась достаточным основанием для начала войны в том регионе мира, который и тогда, и сейчас можно с уверенностью назвать «бомбой замедленного дейст-

вия». Такой силовой крен в британской политике и дипломатии весьма сложно объяснить одними лишь интересами в самом широком понимании этого слова. Очевидно, в данном случае было бы более правильно говорить о целом ряде причин, событий и факторов, которые в результате и привели к появлению на карте мира очередной «горячей точки». Совпадение интересов Америки и Британии, желание последней повысить свой статус-кво, апробация новых способов решения острых конфликтных ситуаций в условиях формирования новой модели системы международных отношений, отсутствие сильной и организованной оппозиции в Палате общин и консолидированного осуждения агрессии против Ирака в британском обществе, переход власти от М. Тэтчер к Дж. Мэйджору, а также стертая «плохая» память о цене победы в любой войне – все эти факторы сыграли свою роль и внесли лепту в развитие событий именно по силовому, военному сценарию.

Вскоре после начала войны в Персидском заливе даже самые убежденные скептики по обе стороны Атлантики пришли к неприятному, но очевидному и гениальному по своей простоте выводу. Оказалось, что Великобритания, которая считалась колыбелью демократии, теперь вдруг готова нести свои «прогрессивные» идеи «остальному» миру, при этом особенно не задумываясь о выборе средств и реакции тех, кому, собственно, и предстоит стать мишенью для массированного воздействия мессианской политики «новых крестоносцев». Судя по всему, в британских политических, деловых и военных кругах в 1990 г. не задумывались и о том, какими последствиями грозит проведение подобной политики в то время, когда многолетнее стратегическое противостояние двух сверхдержав практически сошло на нет. К сожалению, и Великобритания, и США, где так долго и много говорили о демократии и общечеловеческих ценностях, на практике полностью подтвердили обратное. Интересы двух стран, воспользовавшихся кратким периодом трансформации конфигурации системы международных отношений, оказались важнее аргу-

ментов в пользу торжества мира и стабильности на планете. В этом контексте «подрывная» деятельность британского политического механизма не вызывает у нас сомнений и заслуживает всемерного осуждения.

После событий 1990–1991 гг. Ирак фактически превратился в разменную монету в игре ведущих государств мира. Достаточно было только произнести одно название этого государства, как в сознании мгновенно возникали соответствующие ассоциации: агрессия, война и смерть. Ненадолго Ирак действительно оказался в центре внимания мировой общественности, а репортажи о событиях вокруг кризиса стабильно поднимали рейтинг мировых средств массовых информации. Но неожиданно фокус внимания плавно переместился с Ближнего Востока на Балканы, где разразился первый, наиболее кровопролитный и ожесточенный «югославский» кризис. Начавшиеся столкновения на межэтнической и религиозной почве в другом, не менее взрывоопасном регионе планеты не остались без должного внимания со стороны США и Великобритании и были использованы для оправдания присутствия военных миротворческих контингентов в зоне конфликта. Это был отличный шанс перенести основной центр тяжести силовой политики в Европу, которая после распада Советского Союза продемонстрировала готовность к укреплению собственных позиций и стратегическому паритету с США в деле построения новой экономической и военно-политической конфигурации современного мира. И этот шанс был с блеском использован. А Ирак, который вольно или невольно оказался виновником первого кризиса и первым «черным вестником» эпохи трансформаций, на некоторое время оказался в стороне. Единственное, что периодически напоминало нам о Ираке за время забвения – это периодические сообщения о попытках нарушения режимом Саддама Хуссейна тех санкций, которые были объявлены в соответствии с решением Совета Безопасности ООН.

Вновь Ирак оказался в центре внимания спустя десять лет, после трагических событий 11 сентября 2001 г., когда Администра-

ция Дж. Буша-младшего на весь мир объявила о начале беспощадной войны с международным терроризмом. И вновь выбор пал на Ирак, который, по информации американских спецслужб, на протяжении всех этих лет и при полном попустительстве со стороны международных наблюдателей планомерно готовился к производству оружия массового уничтожения, предназначенного, естественно, для нанесения удара по территории США. Уверенность американского лидера в собственной правоте, желание свершить заслуженное возмездие врагам демократии и подчеркнутое нежелание рассмотреть иные, альтернативные аргументы не оставили Ираку ни малейшего шанса остаться в стороне от той грязной политической игры, которую начала Америка и горячо поддержала Великобритания. Уже в начале 2002 г. в Объединенном Комитете Начальников Штабов появились первые планы массивной военной операции против режима С. Хуссейна, получившей «ужасное» название «Шок и трепет».

По сравнению с историческим опытом «Бури в пустыне», участие британской стороны в «акции возмездия» даже на стадии деклараций о необходимости борьбы с международным терроризмом и разоружении тоталитарного режима иракского лидера приняло качественно новую форму и содержание. Если в 1990 г. хотя бы сохранялась видимость того, что в Великобритании пока не готовы сразу дать утвердительный ответ, то в 2001–2002 гг. такая видимость окончательно исчезла. Премьер-министр Великобритании Тони Блэр практически одновременно с протокольными соболезнованиями американскому Президенту по поводу трагедии 11 сентября заявил о полной поддержке и готовности сделать все возможное, чтобы «подобное больше не повторилось». В Вашингтоне позиция Лондона не вызвала особого удивления и встретила полное одобрение.

Примечательно, что и на этот раз о необходимости добиться необходимой резолюции ООН по Ираку обе стороны практически не вспоминали. Единственное, чего настойчиво добивались партнеры – это использо-

вать трибуну самой представительной в мире международной организации для пропаганды собственных идей. Они должны были заставить мировое сообщество поверить в то, что Ирак и его правящий режим не только обладали всем необходимым для производства оружия массового поражения, но и готовились применить его, а следовательно, представляли реальную опасность. Единственным вариантом добиться хотя бы шаткой иллюзии легитимности была идея о том, что в рамках ООН следует договориться не о свержении режима диктатора как такового и начале процесса демократизации Ирака, а о разоружении и демилитаризации [1]. Однако на этот раз действия США и Великобритании столкнулись с неожиданным препятствием. Дело в том, что мировая общественность на этот раз на удивление энергично отреагировала на начало военных действий против Ирака и за редким исключением безоговорочно осудила происходящее на Ближнем Востоке и политику государств-агрессоров. Позицию Британии и ее лидера крайне негативно восприняли в Берлине и Париже, с которыми официальный Лондон первоначально рассчитывал легко найти общий язык и заручиться их поддержкой. И даже не имеющая аналогов в современном мире и беспрецедентная по своим масштабам информационная война вокруг Ирака не смогла склонить чашу весов в пользу Великобритании и того видения проблемы, которое сформировалось у Тони Блэра. Недовольство в Европе экспансионистской британской политикой на Ближнем Востоке стабильно возрастало по мере того, как продолжалась первая фаза военной операции, которая сопровождалась большим количеством потерь с обеих сторон и постепенно переросла в полномасштабную партизанскую войну.

Недовольство простых британцев грубым мессианством Тони Блэра, вероятно, достигло своего апогея после таинственной и загадочной смерти известного британского эксперта по вопросам разоружения Дэвида Келли, вызвавшей скандал в Палате общин. Как и глава Специальной комиссии ООН Ханс Бликс, Келли незадолго до своей кон-

чины заявил о том, что ввод войск коалиции в Ирак не может быть оправдан с точки зрения наличия там необходимых компонентов для производства оружия массового поражения (ОМП). И хотя американские и британские спецслужбы утверждают обратное, оружие массового поражения в Ираке не обнаружено до сих пор.

Нельзя не заметить, что британская элита заплатила дорогую цену за эту международную авантюру. Тони Блэр, один из идейных вдохновителей вторжения в Ирак, в результате падения политического рейтинга был вынужден досрочно уйти в отставку с постов премьер-министра и лидера Лейбористской партии в июне 2007 г. Его сменил экс-министр финансов Гордон Браун, которому вскоре, на грядущих парламентских выборах, на собственном опыте только предстоит познать ответную реакцию «иракского синдрома». Убеждены, что агрессия против Ирака в итоге сильно ослабит и внутренние, и международные позиции партии «новых» лейбористов.

Сегодня очевидно, что американо-британский конкордат в Ираке стремительно движется к своему неизбежному поражению. Возможно, уже в 2009 г. международный контингент, на практике доказавший свою полную «профнепригодность», будет тихо выведен из Ирака, где, судя по всему, только разгорается настоящая, беспощадная, на этот раз гражданская война, вызванная религиозным фактором.

Агрессивная политика Великобритании в отношении Ирака на протяжении практически двадцати лет заметно изменилась, стала более агрессивной и невосприимчивой к мнению других. Сегодня «новая» Британия действует по велению США, и тем самым сознательно ставит себя в заранее подчиненное положение. Таким странным образом островное государство безуспешно пытается бороться с имперским комплексом неполноценности и надеется укрепить свои позиции в современном мире, где влияние США хотя и очевидно, но не безгранично.

Фактически, весомым – теоретическим и материальным – вкладом в иракский кризис Британия не только подрывает хрупкие основы

«Иракский синдром» во внешней политике «новой» Великобритании: исторические уроки...

мирного сосуществования национальных государств, но и дискредитирует свои же позиции и демократические принципы, которые так стремится защищать. Поэтому не стоит исключать вероятность того, что в будущем подобная взрывоопасная политика не только лишит Великобританию права называть себя

полноправным «европейским» государством, но и когда –нибудь спровоцирует неконтролируемую кризисную реакцию, которая заставит страну раз и навсегда отказаться от сомнительного статуса и репутации «крестоносца от демократии номер два» в действующей системе международных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Blair T.* I do not War but Saddam has to disarm // Statement to the House of Commons on Iraq. Tuesday 25th February 2003. L.: TSO, 2003.
2. *Freedman L.* The Gulf Conflict. 1990–1991. Diplomacy and War in the New World Order. London: 1993.
3. *Seldon A.* Major. A Political Life. L.: 1997.